

Юй Ичэнь почувствовал, как чья-то рука обхватила его за талию. Он поднял голову и увидел, что Хань Сыхэн по-прежнему не открывает глаз. Юй Ичэнь попытался отцепить удерживающую его руку, но все было тщетно — человек, спавший рядом, лишь притянул его к себе еще крепче.

— Не... не уходи.

Неужели этот мальчишка видит кошмар? Впрочем, неудивительно. После стольких унижений, что ему пришлось пережить, откуда взяться чувству безопасности?

Ладно, пусть обнимает. От объятий еще никто не стал другим человеком.

Тепло, исходящее от тела Хань Сыхэна, не исчезало. Вне поля зрения Юй Ичэня на губах Хань Сыхэна заиграла победная улыбка.

Выждав некоторое время, Хань Сыхэн медленно открыл глаза. В них не было и следа той растерянности, что бывает сразу после пробуждения — лишь ясная, холодная решимость.

Хватка, державшая его, ослабла. Юй Ичэнь машинально поднял голову и встретился взглядом с глубокими, темными глазами Хань Сыхэна, в которых сейчас плясали искорки веселья.

— Доброе утро, брат. Как спалось?

— Сносно. Хотя, если честно, впечатления неоднозначные.

В мыслях Юй Ичэнь добавил: «Мне приснилось, что ты превратил меня в человеческую свинью, засунул в банку с соленьями и мстил за все на свете».

За что мне такая горькая судьба? Мало того, что пришлось умереть один раз, так теперь еще и здесь измываются. Видимо, я очень приглянулся владыке преисподней, раз он не оставляет меня в покое даже во снах.

Юй Ичэнь сел, оделся, повернувшись к Хань Сыхэну спиной, и, нацепив первые попавшиеся тапки, направился к выходу, но у самой двери обернулся:

— Сяо Хэн, как встанешь, умойся, а я пока приготовлю завтрак.

Сидевший на кровати парень что-то невнятно ответил. Юй Ичэнь вышел из комнаты. В помещении воцарилась тишина. Хань Сыхэн задумчиво потер пальцами свои губы, словно пытаясь удержать остатки тепла, коснувшегося их прошлой ночью.

Уголки его губ приподнялись. Переодевшись, он спустился с кровати и прошел в ванную. Увидев на полке приготовленное чистое полотенце и другие принадлежности, он почувствовал, как на душе стало тепло.

Он так добр ко мне. Если бы только эта доброта принадлежала мне одному...

Из ванной доносилось журчание воды. Юй Ичэнь выглянул из комнаты — расстояние было небольшим, поэтому он отчетливо слышал каждый звук.

— Хозяин, ты так заботаешься о Хань Сыхэне, что я уже начинаю подозревать, не сменил ли ты ориентацию.

— Отстань! Если зубы болят — иди к стоматологу. Я делаю это только ради своего будущего спокойствия. Я не какой-нибудь там любитель экзотики, я самый настоящий натурал.

Юй Ичэнь продолжал ловко управляться на кухне. В рисоварке начал густеть каша из пшена. Ванцай, парящий позади, наблюдал за ним и не удержался от подколки:

— У тебя определенно есть талант к роли домохозяина.

— Какой еще домохозяин? Я Альфа, если только меня не пометит Энигма. К тому же Хань Сыхэн — Омега, и в оригинале у него есть своя путеводная звезда — Альфа по имени Лу Си. Так что твоя затея сделать меня его идеалом обречена на провал.

— Если судить по хронологии, они еще не встретились, так что у тебя есть шанс побороться за собственную жизнь.

— Ой, да брось. Его идеал наверняка ослепителен, нам лучше держаться в сторонке.

Юй Ичэнь переложил яичницу на тарелку. Прошло много времени, но ответа от Ванцай не последовало. В кухне стало подозрительно тихо, атмосфера наполнилась чем-то странным, напоминая ту самую пыточную.

— Брат, тебе помочь?

Голос Хань Сыхэна раздался прямо за спиной. Звучал он непривычно спокойно. Юй Ичэнь глубоко вздохнул, обернулся и протянул ему тарелку.

— Хорошо, Сяо Хэн, помоги брату отнести яичницу на стол.

Хань Сыхэн без колебаний взял тарелку — тепло сразу обожгло кончики его пальцев.

Когда его шаги затихли, Юй Ичэнь остался стоять на кухне один. То ли от жары, то ли от испуга на его лбу выступил холодный пот.

Выйдя из кухни, Юй Ичэнь поставил на стол миску с рисовой кашей и остальной завтрак. Что-нибудь из этого обязательно должно было прийтись Хань Сыхэну по вкусу.

На когда-то пустом круглом столе теперь были расставлены разные блюда. Раньше голод по утрам был нормой, и даже черствый кусок хлеба казался подарком судьбы, не говоря уже о чьей-то компании. А теперь кто-то терпеливо готовит завтрак, и вокруг царит тепло, а не брань и унижения.

Юй Ичэнь вымыл руки и сел за стол. Подняв глаза, он с удивлением заметил, что Хань Сыхэн ничего не ест.

Неужели моя стряпня так плоха? Вроде бы выглядит аппетитно и пахнет хорошо!

— Что такое? Не нравится?

Хань Сыхэн покачал головой:

— Нет, просто вспомнил кое-что из прошлого. Нахлынули чувства.

Прошлое? Тот самый отец-игрок? Но ведь одежда, в которой он был, когда они встретились, была куда лучше, чем у маленького Хань Сыхэна, да и дом с машиной выглядели прилично. Не похоже, чтобы это были деньги игрока, скорее, будто кто-то внезапно подкинул крупную сумму.

— Ничего страшного. Если тебя что-то гложет, можешь рассказать мне. Я стану твоим слушателем.

Слушателем? Впервые кто-то хочет выслушать меня.

Взгляд Хань Сыхэна дрогнул. В его глазах, устремленных на Юй Ичэня, промелькнуло сложное чувство, а затем на губах появилась легкая улыбка.

— Спасибо, брат.

— Давай, попробуй яичницу.

Юй Ичэнь положил один кусочек в миску Хань Сыхэна и вовремя напомнил, чтобы тот подул, прежде чем есть.

Увидев, что Хань Сыхэн начал есть, Юй Ичэнь перестал на него смотреть. Завтрак прошел в молчании.

Покончив с едой, Юй Ичэнь притянул Хань Сыхэна к себе и внимательно осмотрел. Одежда парня была изрядно поношена и явно мала в плечах. Вспомнив слова Ван Чжи, он почувствовал неприятный укол в сердце.

— Сяо Хэн, хочешь прогуляться со мной?

Хань Сыхэн не ответил сразу, лишь ухватился за рукав Юй Ичэня, в его голосе прозвучала тревога:

— Можно ли мне так выходить? С этими шрамами... я не опозорю тебя? Или люди не поймут нас превратно?

Юй Ичэнь тихо вздохнул, накрыл своей рукой его ладонь, сжимавшую рукав, и своим теплом постарался разогнать тревогу в сердце парня.

— Не бойся, иди смело. Со мной рядом никто не посмеет сказать ни слова.

Знал же, что этот папаша-игрок вечно творит гадости, вот у ребенка и развились комплексы.

Стоило им выйти, как мир вокруг изменился: перед ними снова предстал тот же узкий переулок. Солнце пробивалось сквозь выступы крыш, создавая на земле полосу тени, даровавшую им прохладу.

Они шли плечом к плечу. Солнце, превратившееся в раскаленную печь, не собиралось щадить их. Юй Ичэнь закатал рукава, обнажив белые крепкие руки. На солнце его кожа казалась еще светлее, и человек, шедший следом, долго не мог отвести от них взгляд.

Кожа у него такая белая, нежная. Интересно, какая она на ощупь?

<http://bllate.org/book/22472/2365621>